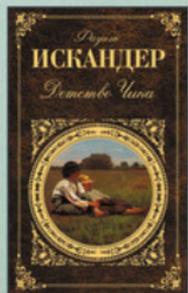

Фазиль Абдулович Искандер

Чик и белая курица

Часть сборника
Детство Чика

Фазиль Абдулович Искандер

Чик и белая курица

Серия «Рассказы о Чике»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4245195
Искандер Ф. Детство Чика : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-58805-3

Аннотация

«... Чик взял у мамы нож, положил курицу на землю и наступил ногой на ее лапки. Но так наступил, чтобы ей было не очень больно. Курица лежала в доверчивом ожидании, и это было особенно неприятно Чикю. Если бы она кричала, трепыхалась, вырывалась, было бы не так жалко. Чик схватил ее левой рукой за белоснежную шею, слегка вытянул ее, чтобы сподручней было резать, и вдруг, представив на этой белоснежной шее кровь, которая брызнет из-под ножа, замер. Он подумал, что его, может быть, даже стошнит. Но он в то же время еще сильнее почувствовал, что стыдно признаться в этой жалости и перед мамой, и перед всеми ребятами. Он бросил шею курицы и большим пальцем левой руки провел по острию ножа, якобы еще раз проверяя, насколько он наточен.

– Нож тупой. Не могу, – сказал Чик очень решительным голосом...»

Фазиль Искандер

Чик и белая курица

Чик играл с ребятами во дворе, когда мама его вышла на крыльцо и позвала его:

– Чик, – сказала она, – зарежь мне курицу.

В одной руке она держала белую курицу за перевязанные лапки, а в другой столовый нож.

Мама примерно раз в месяц покупала на базаре живую курицу, и Чик ей перерезал глотку. Но в последний год Чик заметил, что ему все неприятней и неприятней перерезать глотку курице. Глотки у всех куриц были жилистые, и приходилось изо всех сил надавливать ножом. Прямо перепиливать. Почему-то становилось жалко курицу, но Чик даже самому себе старался не признаваться в этом.

А года три назад, когда мама впервые поручила ему зарезать курицу, он очень гордился этим, и ему было совершенно не жалко курицу. А теперь становилось жалко, но он стыдился самому себе признаться в этом.

Чик неохотно подошел к крыльцу и взял у мамы нож и курицу. Курица была совершенно белой, такой курицы он никогда не резал. И сейчас он представил кровь на белых перьях, и ему стало очень неприятно. Но он не мог маме признаться в этом, тем более что рядом стояли пацаны с его двора да еще из соседского. И он решил пойти на хитрость. Он

попробовал пальцем острие ножа и попытался вернуть маме курицу и нож.

– Нож тупой. Не могу, – сказал он.

Мама как-то нехорошо усмехнулась, но взяла у него только нож. Она наклонилась и стала точить нож о боковую стенку крыльца. Она проводила лезвием ножа о шершавую цементную стенку крыльца то с одной стороны, то с другой. Долгий, скребуший звук. Через несколько минут мама разогнулась, попробовала пальцем острие ножа и сказала:

– Бери. Теперь он острый.

Чик в это время держал курицу обеими руками, и она доверчиво притихла, прижавшись к его животу. Чик сквозь майку чувствовал ее такое горячее, как будто у нее была температура, тело. Теперь ему курицу было еще жальче. Лучше бы он ее держал вниз головой за перевязанные лапки.

Чик взял у мамы нож, положил курицу на землю и наступил ногой на ее лапки. Но так наступил, чтобы ей было не очень больно. Курица лежала в доверчивом ожидании, и это было особенно неприятно Чикю. Если бы она кричала, трепыхалась, вырывалась, было бы не так жалко. Чик схватил ее левой рукой за белоснежную шею, слегка вытянул ее, чтобы сподручней было резать, и вдруг, представив на этой белоснежной шее кровь, которая брызнет из-под ножа, замер. Он подумал, что его, может быть, даже стошнит. Но он в то же время еще сильнее почувствовал, что стыдно признаться в этой жалости и перед мамой, и перед всеми ребятами. Он

бросил шею курицы и большим пальцем левой руки провел по острию ножа, якобы еще раз проверяя, насколько он наточен.

– Нож тупой. Не могу, – сказал Чик очень решительным голосом, стараясь скрыть свою нерешительность. Пожалуй, если бы курица была не такая белая, он ее все-таки прирезал бы. Но нельзя было об этом говорить, это было бы совсем смешотворно.

Когда он протянул маме нож и курицу, мама горько усмехнулась.

– Чик, дай я зарежу курицу! – радостно крикнул Оник и подбежал к нему, чтобы успеть перехватить ее.

– Чик, дай я! – крикнул даже хромой Лёсик и подковылял к нему.

– Обойдемся без вас! – резко сказала мама, явно обиженная за Чика. Чик почувствовал, что ее особенно оскорбило то, что хромой Лесик оказался решительней его. Если бы только один проворный Оник предложил зарезать курицу, она бы не так обиделась. Она спустилась с крыльца и взяла у Чика курицу и нож.

– Там у меня бутылка на столе в кухне, – властно сказала она Чику, – отнеси ее Софье Дмитриевне.

Это прозвучало так: отнеси бутылку, раз уж ты ни на что более сложное не способен. Чик быстро вынес бутылку, но решил сначала посмотреть, как мама будет резать курицу. Сейчас ему хотелось, чтобы мама проявила какую-нибудь

неловкость. Но она наступила одной ногой курице на перевязанные лапки, вывернула ей шею и мгновенно перерезала ее. Мама сделала шаг назад, держа в руке окровавленный нож. Оставшись без головы, белая курица попрыгала немного и притихла. Она даже не очень испачкалась своей кровью. Сейчас Чик сожалел, что не проделал все это сам.

Пока обезглавленная курица прыгала, мама молча и грустно дожидалась, когда та затихнет. Потом она взяла ее за лапки, не забыв прихватить и отрезанную головку, выпрямилась, тяжело вздохнула и сказала:

– Эх, Чик, трудно будет тебе в жизни!

Чик так и знал, что она что-то такое скажет, полоснет его по сердцу.

– Что я, Хахамом собираюсь стать, что ли?! – закричал Чик. – Почему мне трудно будет?!

Хахамом называли старого еврея, который жил на углу. Грузинские евреи носили ему резать своих кур. Но русские евреи почему-то не носили. Чик даже точно не знал, Хахам – это его имя или профессия. Вернее, ему казалось, что это имя, постепенно превратившееся в профессию Хахам – и все! Так все говорили.

Мать на его слова ничего не ответила. Вернее, она устало сказала:

– Отнеси бутылку Софье Дмитриевне.

Это опять прозвучало так: раз ты больше ни на что не способен. Было неприятно.

– Чик, а что в бутылке? – спросил Абу, мальчик из соседнего двора.

Чик не стал ничего отвечать, а пошел во флигель, где жила Софья Дмитриевна. Она сидела на своем месте на веранде, глядя в открытое окно. Конечно, она видела все, что происходило у крыльца. Она всепонимающе, грустно улыбнулась Чику и сказала:

– Спасибо за уксус, Чик.

Чику сейчас совершенно не нужна была всепонимающая, грустная улыбка. Только не это!

Он поставил бутылку на столик и пошел назад.

Когда он сходил с крыльца, он услышал дружный гогот всех ребят – и своих, и чужих. Чик почему-то догадался, что этот хохот связан с ним, вернее, с ним и с белой курицей и даже, может быть, с этой бутылкой. Было неприятно. Когда он подошел к ребятам, хохот предательски смолк.

Вдруг Сонька с болезненной жалостью взглянула на Чика и сказала:

– А я знаю, почему Чик не смог зарезать курицу!

– Почему? – спросил Оник.

Чик настороженно прислушивался.

– Потому что курица была белая! – выпалила Сонька. Слова ее прозвучали, как точный ответ в задачнике. О, догадливость влюбленных! Ничто так в мире не раздражает, как догадливость влюбленных!

– При чем тут белая или черная! – заорал Чик. – Просто

ножик был тупой!

– Не обижайся на Соньку, – примирительно сказал Оник, – она же глупая.

– Но нельзя же быть такой глупой! – в сердцах воскликнул Чик, стараясь сразу отместить такое позорное предположение и при этом продолжая мысленно удивляться ее проницательности.

– Чик сердится, значит, Сонька права, – таинственно улыбнулась Ника. Она сидела у окна своей комнаты и вышивала, как взрослая, прислушиваясь к тому, что делается во дворе.

И тут Чик удивился неприятной догадливости Ники. Но ведь она же не влюбленная? Красивая девочка сидит у окна и вышивает, неприязненно подумал Чик. Слишком картинно, подумал Чик. Когда Чик сердился, он проявлял строгий вкус.

– Я не сержусь, – сказал Чик как можно спокойней, – но это просто глупо.

– Я же знаю, – с грустным упрямством вздохнула Сонька. Она сказала это с интонацией его мамы, как будто смотрела далеко вперед. Настроение Чика окончательно испортилось. Теперь он сам не понимал, почему не смог зарезать курицу. Неужели только потому, что она была белая?

...Оник, Сонька, Лёсик и Чик ходили в школу во вторую смену. Они вместе вышли со двора и направились в школу, которая находилась через квартал. Почему курицу резать

жалко, а есть ее совсем не жалко, думал Чик и никак не мог понять, в чем дело. Чик так глубоко задумался, что стал переходить улицу, не заметив мчащегося грузовика.

– Чик, Чик, беги! – кричали ему ребята, уже перебежавшие дорогу. Но он ничего не слышал.

Он очнулся, когда грузовик, заскрежетав тормозами, остановился перед его носом, дохнув огненным радиатором. Шофер, высунувшись в окно, его матюгнул, и Чик перебежал на тротуар.

– Чик, ты оглох, что ли?! – закричал Оник. – Мы же орали тебе!

– Он думал о курице, – снова вздохнула Сонька.

Боже, куда деться от ее догадливости! Но надо, надо делать вид, что он давно забыл об этом, тогда и другие в самом деле забудут. И Чик промолчал. Через минуту прихрамывающий Лёсик спросил у Соньки:

– О курице вообще или о белой курице?

Долго же он раздумывал над этим вопросом! Видно, мысль его тоже прихрамывала. Кажется, они его сведут с ума, как, может быть, когда-то свели с ума его дядюшку. Не они, конечно, а совсем другие люди, еще до революции. Чик смутно подумал, что люди мало меняются даже после революции. Он подумал об этом с некоторым беспокойством за революцию.

... Два урока прошли нормально. Почти никто не заметил, что Чик был необычайно задумчивым. И только его люби-

мая учительница литературы Александра Ивановна подошла к нему, потрогала его лоб и спросила:

– Чик, что ты так притих? Не заболел ли?

– Нет, – ответил Чик, – просто скучно.

– Тебе скучен наш урок? – удивилась Александра Ивановна. Чик очень любил Александру Ивановну и любил ее уроки. И он не хотел ее обидеть.

– Не урок, а жить скучно, – поспешно ответил Чик.

– Ну, это бывает, – почему-то улыбнулась Александра Ивановна, может быть, радуясь за урок, – только ты знай заранее, что это обязательно пройдет.

И Чик у сразу же стало легче. Как он забыл об этом! Сколько раз и раньше портилось настроение, а потом все, все забывалось!

Но Чик рано обрадовался. На большой перемене к нему подошел Шурик, нервный сын школьной уборщицы.

– Что, Чик, – сказал он, ехидно улыбаясь, – курицу не мог зарезать?

– Почему не мог? – только и сказал Чик от растерянности.

– Конечно, не мог, – уверенно ответил Шурик, – вся школа уже об этом знает.

У Чика екнуло сердце.

– Ножик был тупой, потому и не зарезал, – как можно равнодушной ответил Чик. Он решил держаться этой версии и ни шагу не делать в сторону.

– Ножик был тупой! – передразнил его Шурик. – Если но-

жик был тупой, отнес бы курицу Хахаму, и он бы тебе ее зарезал! – Он это сказал с далеко идущим ехидством.

– Шурик, – проникновенно ответил Чик, – сколько раз я тебя лупцевал за ехидство? Еще раз хочешь?

Но тут прозвенел звонок, который явно взбодрил Шурика.

– Случайные победы! – нагло воскликнул он и, уже поворачиваясь, чтобы идти в класс, бодро добавил: – Еще неизвестно, кто кого!

Чик ушел в свой класс, уныло утешаясь, что хотя бы о том, что курица была белая, Шурик ничего не знает. Но кто рассказал о курице в школе? Его дворовая команда или ребята из соседнего двора? Слишком много было свидетелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.